

Я.М. Бендерский =====

(Израиль)

«ПЕРСТАМИ ЛЕГКИМИ КАК СОН...»

Вопрос: *Как ты понимаешь строчки Пушкина*

«Восстань, восстань, пророк России,

В позорны ризы облекись...»?

Ответ: *Восстань, истина, и посмотри на бедную Россию!*

Даже самое мимолетное упоминание о теме, легчайшее прикосновение к ее бледно-розовому нежному телу, малейший намек или тишайшее проговаривание-проборматывание наполняют русскую душу сладким нектаром и божественной амброзией. Посвященная в таинство душа взмывает в горние выси, подхваченная крылатыми конями Пегаса, и опускается на высоком Парнасе, где журчат священные источники Гиппокрены. Наслаждайся, душа, пением девяти Муз. И тело твоё поет, играет каждая жилка, трепещет каждая струнка, ты дышишь полной грудью.

Все говорит о том, что сегодня мы осмелились говорить о Поэзии.

Русская культурная традиция именно так, с трепетом и придыханием, с дрожью и состраданием, следуя высоким античным терминам и героическим образцам, повелевает говорить о поэтическом творчестве. Неизъяснимо высоко возносит молва (или толпа) поэтов – небожителей, помещая их на светлом Олимпе, где раздаются звуки кифар и юные богини ведут светлые хороводы. На Земле, по слухам, восторженные почитатели помещают поэтов в чистейший Храм, Башню из слоновой кости, герметически замкнутую сферу, откуда им так легко изливаться на головы презренной черни и гармоничные звуки, и пророческие молнии, и праведный гнев:

Печной горшок тебе дороже,

Ты пищу в нем себе варишь.

Образованный русский человек, как предписывает литературная традиция, отмечает всякое важное событие жизни утвержденной для этой цели, отлаженной веками гладкой цитатой. Более того, многие и воспринимают саму реальность только сквозь знакомые знаковые строки, которые выявляют событие, освящают его, осеняют поэтическим крестом и вводят в поэтический ряд. К месту подобрали и научную подпорку, подтверждающую мысль: «Во всех случаях нельзя не обратить внимание на значение высказываний, которые можно назвать валидными, то есть ценностными для социума. Пушкинские валидные высказывания формируют национальное мировосприятие и восприятие современных событий, дают название эмоциональным переживаниям человека и ментальным актам» [Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004].

Вот как, к примеру, наступает зима для русского сознания:

Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Так вот, хоть наш дух и вознесся на поэтические вершины, но вот презренное тело не может закрыть глаза на досадные мелочи. Опустимся на грешную землю и заглянем в обычный класс, где идет урок по поэзии Александра Сергеевича.

Не встречались ли вы, мои милые любознательные читатели, с учеником, сердце которого не было поражено острой стрелой поэтического восторга, так как было прочно защищено другими обычными делами. Того, кто лишь мирно пасса на школьной площадке, щипал травку, насаженную Минпросом, и проходил программу по разделу «поэзия». Если не встречались, то значит Бог вас миловал. Вы не смогли поговорить с ним о явно несъедобном предмете, не были убиты произнесенными словами и остались при своем твердом убеждении о хороших традициях русской школы.

Реплика в сторону.

На уровне бытового иврита слова *стихотворение* и *песня* – это одно и то же слово *шир*. Ученики, даже сохранившие русский язык как родной, совершенно не чувствуют никакой разницы между плоской современной эстрадной песенкой и великим поэтическим творением. Ведь ясно сказано: и то, и другое – шир.

Если отнести данное замечание к обычной русской школе, то разница между этими понятиями пока еще видна, хотя зазор ничтожен – слова-то ведь разные. Но в последние годы ситуация здесь так быстро и резко меняется, что и разница в словах не поможет. Иди потом доказывай, что между песенным шлягером и балладой Лермонтова, между поэтом-песенником Таничем и просто поэтом Мандельштамом – непроходимая пропасть.

Таким образом, перед серьезным учителем словесности встает многотрудная тонкая и даже неподъемная задача – сохранить понимание поэзии.

Разные уровни восприятия связаны с иерархией понятий: текст – контекст – подтекст – метатекст. Начиная разговор о поэзии, следует ввести еще один уровень, еще одно важное для нас понятие – интертекст. Зачем, – не преминет спросить критически настроенный читатель, – зачем усложнять и без того громоздкую структуру? Что скрывается за этим понятием?

Для русского поэтического сознания знакомство с новым поэтическим творением – это прежде всего пробуждение памяти, вспышка ассоциаций, игра сравнений с прежними знакомыми лирическими строфами, подсознательный подсчет плюсов и минусов. Каждое новое поэтическое имя вписывается в незыблемый ряд: в русле поэтов «серебряного века», женская поэзия, что-то наподобие Бродского... То есть для нас не бывает поэтов в себе, самодостаточных и обособленных от поэтического цеха, – они все в плотном строю, на отведенной им полке.

Если вы согласны с данным спорным утверждением, то должны согласиться и со следующим горьким, но бесспорным – ученики еще не успели выработать такой интертекстовой сети. Любое стихотворение для них уникально и единично.

Значит, огромная и сложная задача понимания поэтического текста усугубляется еще одним камнем преткновения – невозможностью сравнивать. Мы можем только вздохнуть по тем забытым временам, когда дети еще сами что-то читали и не требовалось дополнительных усилий для создания интертекстовой связи.

Если свести наши размышления и сетования к краткому резюме, то не нужно быть пророком, чтобы предсказать: мы присутствуем при агонии поэтического понимания поэзии. Перед нами последнее поколение, которое без страха и сожаления закроет глаза ушедшему поэтическому веку. «Закат поэзии» – так вскоре будет названа большая научная монография. Может быть, она уже и пишется?

Если подойти к вопросу практически, то, вероятно, процесс еще не зашел так далеко, еще есть время выработать единую программу, методическую установку, но это следует сделать экстренно и безошибочно.

Не низводя очи долу, не проклиная торопливое время, не перекладывая ни на кого вину, нам следует смиренно и терпеливо зачинать новые традиции чтения и понимания поэзии. Начинать обучение поэтической технике (метафор, сравнений, рифмы, ритма, размера и т.д.), анализу поэтического синтаксиса, инверсий, пониманию поэтической лексики и прочее.

А теперь, не касаясь фундаментальных теоретических основ, забыв о грозных пророчествах и грядущих катаклизмах, обратимся к одному поразительному примеру, случившемуся на уроке литературы. Думается, что тот урок «смеховой терапии» наглядно показал – можно еще исправить положение. Не панацея, не универсальное средство, а только случай дал возможность увидеть свет в конце тоннеля. Для этого пригодилось странное, редко употребляемое воспитательное средство – смех. Очищающий, просветляющий, после него у одного открываются глаза, у другого замирает сердце и горят от стыда уши. А для третьего это повод вернуться и прочитать.

После начальной серии уроков по пушкинской лирике были подготовлены контрольные вопросы, которые должны были определить уровень понимания классом различных сторон поэзии Пушкина. Все казалось предельно просто.

Реплика в сторону.

Я уже 30 с лишним лет работаю в школе. Случались у меня разные уроки: шаблонные, унылые, откровенно слабые, неожиданно сильные, игровые, душевные, волнующие, запоминающиеся, прощальные..., но такого урока откровения, как урок разбора контрольных по лирике Пушкина, не было никогда. Я видел понимающие, смеющиеся, взволнованные, живые лица. Главное: каждое слово смаковалось, боялись пропустить любую реплику, все било наотмашь и попадало в точку; мы говорили на одном языке – жаль только, что общим для нас оказался язык ошибок, нелепостей и анекдотичных выражений. Я зачитывал классу только то, что они сами написали.

В конце концов я вынужден был прекратить урок, так как класс лежал на столах от смеха, особо эмоциональные упали под столы, задыхаясь от хохота. Ни одной фамилии не называлось, но почему-то каждая фраза сразу находила автора.

Такого удовольствия я им больше не доставлял, слишком сильным оказалось лекарство, но даже сегодня, спустя два года, мы постоянно возвращаемся к приятным воспоминаниям. И вот теперь, с согласия моих невольных соавторов, учеников 11-го класса, предлагаю несколько примеров. Не смеха единого ради, а ...

Задание первое

Приведено несколько отрывков неизвестных поэтов. Один из отрывков принадлежит перу великого А.С. Пушкина, остальные написаны поэтами пушкинской поры. Нужно найти пушкинский отрывок и объяснить, на основании чего сделан такой вывод?

* * *

*Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей.
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!*

* * *

Есть в светлости осенних вечеров

*Умильная таинственная прелесть.
Зловещий блеск и пестрота деревьев
Багряных листьев томный, легкий шелест.*

* * *

*Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине,
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным.*

В результате абсолютное большинство отвечающих не то чтобы не нашли заданный отрывок, они его просто не искали, так как не представляли себе, что может быть другой поэт, который смеет писать так, как Александр Сергеевич. И если перед тобой стихотворение под названием «Осенний вечер», ясно, что оно и есть искомое – Пушкин ведь так любил осень. Вторая часть вопроса и вовсе повисла в воздухе, потому что не требуется никаких доказательств. Пушкин, по определению, выше любого поэта! Вот дословные образцы ответов:

– Обычно Пушкин описывает природу, а также погоду тех мест, в которых он находится. Ему всегда удается передать изюминку тех мест, где он находится. Во всех его стихотворениях описываются прелести мира, и в некоторых они сравниваются с природой.

– Это стихотворение несет в себе какое-то оптимистическое пушкинское настроение. Набор слов очень соответствует его писаниям.

– Пушкин любил осень, а это бывает не так уж часто. Здесь он олицетворяет осень.

Задание второе

Какое из данных стихотворений Пушкина тебе больше всего понравилось?

– Больше всех из этих замечательных стихотворений мне понравилось «В глуши во мраке заточенья». В этих строчках описывается страдание о том, что поэт в унынье. Он хочет вырваться из плена, но не может.

– Мне понравилось «Пора, мой друг, пора». Поэт чувствует, что он устарел и вспоминает, как в расцвете молодости изливал грядущую славу. Пушкин – умный, образованный человек, который пишет чудесные рассказы. Рассказывает о жизни людей, и в культуре ему отвели немаловажную роль.

Задание третье

Как ты понимаешь данные отрывки из стихотворений Пушкина?

*Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он;
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

– Тот, кто ты думаешь, относится к тебе с уважением, но может сделать тебе очень плохо.

– Пальцами легкими как сон моих глаз коснулся он – и выпали бедные глаза.

– Прикосновение к глазам вызывает испуг пронзительных глаз.

*Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом –
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родись ты вдруг.*

- Это означает – находясь в шуме, закричи сам.
- Во всяком звуке или шелесте в воздухе есть что-то твое, частичка тебя.
- О том, как звук может вызвать в голове образ нового стиха.
- Поэтам часто не разрешают, не дают писать. А если он что-то и пишет, то приходится скрывать.
- В этом отрывке поэт говорит, что если ты свободная душа, то у тебя есть на все свое мнение.
- Мне кажется, что здесь описывается сцена родов.

*Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянно бряцал...*

- Как поэт пишет стихи, когда он вдохновлен этим делом. У него есть мысль, он прямо весь горит этим желанием.
- Поэта что-то подтолкнуло на написание стихотворения, и он не ожидал от себя такого напора чувств и эмоций.
- Вдохновенный поэт что-то пишет. Но пишет он чисто наброски.

Можете себе только представить, какие неожиданные ассоциации, какие бурные эмоции вызвали у моей аудитории другие отрывки. Ответы на них я опускаю, потому что они годятся скорее для театра абсурда, чем для анализа. Но вы вообразите:

*Надменный! Кто тебя подвигнул,
Кто обуял твой дивный ум...*

И последняя реплика.

Немецкий философ Э. Кант как-то сказал знаменательные слова (цитирую по памяти, а потому не претендую на академическую точность): меня всегда поражали две вещи – звездное небо и человеческие законы.

Мне бы хотелось добавить еще одну вещь, поразившую меня давным-давно, заставившую изучать ее долгие годы: гибкость, глубину и оригинальность детского мышления. Почему-то детский мозг, не обремененный чуждыми влияниями и эгоистичными расчетами, понимает дело так, как оно есть на самом деле, выдвигает такие версии, какие и в голову не придут взрослому. Так вот, эта самая гибкость мгновенно сумела оценить мой урок смехотерапии, правильно сориентироваться и отреагировать на нее звонким смехом.

Я не утверждаю, будто весь класс повально вдруг обратился лицом к поэзии, однако случайно выяснилось, что мир поэзии загадочен и непредсказуем, требует понимания и расшифровки. Часто стихотворение многослойно и таинственно, а анализ его – сложное, нетривиальное, запутанное, но интересное дело, доступное каждому. Надо только внимательно прислушаться и хорошо подумать.